

Viktorija Pilipitsevich

THE DISTINCT FEATURES OF PALESSIE VARIANT OF ZARUBINTZY CULTURE

Summary

This article is devoted to studying the funeral customs of Palessie variant of Zarubintzy culture (based on the materials of burial grounds Vialemychy-1 and 2, Varonina and Atverzhychy). For the first time the studying of the data was conducted with the use of computer statistical methods. The features of the funeral customs, their development during different periods of culture, the continuity and connection of traditions with other cultures have been determined.

For the funeral customs of Palessie variant of Zarubintzy culture the formation of burials in lengthened and round holes (focused mainly on the West — East line) is typical. Bones, as a rule, were placed cleared (less often — not). The urn burials contained only bones cleaned off fire rests. There were 6 characteristic variants of bones' location in the burials. The most typical is variant 1 (bones in a congestion placed in the western part of a hole), borrowed, probably, from Milograd culture. Variant 2 (bones scattered in a bottom of a hole) appears at the late stage of culture. Urn burials (variant 3) were located in the center of a hole. This custom existed at early and late stages. Pots as a rule were used as urns. Variant 4 (in an urn and a congestion) occurred at the middle stage, variant 5 (bones are in an urn and scattered around it) — at the late one. Bones. Variant 6 of bones' location (in two clusters in opposite parts of the hole) existed at early and late stages. Besides, a few burials with no grave goods, where bones fill a hole and are mixed up with the rests of a fire, are mentioned.

The development the funeral customs has undergone some changes, being subject to other cultures' influence. Two ceremonies variant 3 of bones' location (in an urn) and 6 (in two clusters) — have been borrowed from the western cultures. Variant 1 (in a cluster) have been borrowed from Milograd culture. The custom of bones location according to variant 2 (bones scattered in the bottom) was formed at the late stage of the culture. It was the special Zarubintzy ceremony. The combination of this

custom and the western tradition of the location of bones in an urn has produced variant 5 (bones located in an urn and scattered around it). The mixed way of bones' location, variant 4, (in an urn and a cluster) existed at the middle stage of the culture and outweighed in number the mixtures of the local and western traditions (the latter was borrowed from Milograd culture) and the traditions to place bones of the deceased in a congestion.

Female and male burials have some distinctions. First of all, in stock: some female burials abound in riches while all male burials are poor. It is possible to attribute beads and other ornaments and pins to «female» categories of stock, «male» — a pile. Children's burials, are as a rule, urn ones with poor stock.

There following prominent features of a set of the stock accompanied burials were allocated. During the different periods of time the set of stock essentially changed. There was a constant prevalence of utensils, including «pairs» (a pot and a bowl, a pot and a mug, a bowl and a mug) and «triads» (a pot, a bowl, a mug). Temporal rings, crests, suspension brackets, household things, tiny vessels reminding big pots in form, appear only at the late stage of the culture's existence. There was a ceremony of putting fibulae into burials during all stages of the culture. Special «pre-fibulae» stage is not distinguished.

Comparison of the funeral customs' features of the funeral customs of Palessie variant of Zarubintzy culture barriers with other cultures shows its significant similarity to Jastorf and local Milograd cultures. The influence on funeral customs of Zarubintzy went from different sources. So urn burials probably appear at the early stage of culture under influence of Przeworsk or Baltic Littoral Culture representatives, and later — of Jastorf, and tradition pit burials was borrowed from Milograd. At the same time, the cultures could have ceremonies of clarification of bones from the rests of a fire and damage of things are borrowed. Separate elements of funeral customs of Palessie variant of Zarubintzy culture are tracked in burials of Pojaneshy-Lukashevka and Lipitsk cultures. But the carried out analysis has also shown absence of obviously expressed the connection of the funeral customs of Palessie Variant of Zarubintzy Culture with Oksyvska culture.

ХРОНОЛОГИЯ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

1. Из истории исследований

Как известно, первые памятники, относимые ныне к пражской культуре, в Белорусском Полесье были исследованы специалистами в 1920—1930-х гг. (обзоры и литературу см. Кухаренко, 1961, с. 6, 7; Вяргей, 1999, с. 318—319). Причем, сразу же были даны в общем правильные хронологические оценки этих находок. «1500 лет тому назад», «6—8 вв.» определил древность поселения в Петрикове А. Н. Лявданский. Материалы из Хорска Р. Якимович отнес к «эпохе переселения народов», «5—7 вв.». Можно вспомнить, что так же, правильно, датировал аналогичные находки из Житомирщины С. С. Гамченко уже в докладе 1902 г. и в более поздних рукописях («5—8 вв.», Кухаренко, 1955). Чуть ошибся А. Цинкаловский, отнесший материалы из Милановичей на Ковельщине к римскому времени (Парчевский, 1999). Правда, как отметил еще Ю. В. Кухаренко, основания для этих датировок были лишь косвенные, во многом интуитивные. Лишь Е. Марциняк сопоставил вещи из Хорска с материалами из Злоты в Малопольше и, не опровергая оценок Р. Якимовича, писал, что находка сосуда, аналогичного хорскому, в яме 537 из Злоты вместе с «сивой» круговой керамикой не позволяет датировать эти древности «позднее первой половины 5 в.» (Marciniak, 1939/1948, s. 239).

Новые перспективы в исследовании интересующей нас темы открыли труды Ю. В. Кухаренко. Он первый соотнес памятники Полесья, содержащие лепную керамику, имеющую расширение в верхней части, с пражской культурой, что позволило при анализе опираться на значительно более широкий и понятный как целое круг аналогий. Уже сопоставление с чешскими материалами и наблюдения о контексте полесских находок привело к выводу о датировке последних «начальной частью» периода «с конца 4 по 9 в. н. э.» (Кухаренко, 1955). В итоговой работе Ю. В. Кухаренко уточнил эти наблюдения. В основу оценки раннесредневековых полесских материалов он положил результаты раскопок в Хотомеле, где выделялся слой с только лепной не резко профилированной керамикой, расположенный ниже углисто-золистой прослойки («пожарища»). Дата верхнего слоя была определена в рамках 8—10 вв., а обзор аналогий металлическим изделиям, встреченным вместе с лепной керамикой в Полесье и на Волыни, привел к выводу о датировке раннего горизонта в рамках 6—8 вв., не исключая для таких древностей и 5 в. (Кухаренко, 1961, с. 7—10).

Современный уровень анализа пражской культуры задан в работах И. П. Русановой. В них были четко сформулированы признаки пражской археологической культуры, даны критически проверенный свод

Игорь Гаверитухин (Москва)

и характеристика ее памятников на территории, включающей и Полесье (Русанова, 1973; 1976). Важной заслугой И. П. Русановой является то, что вместо более или менее отчетливых наблюдений о «поздних» и «ранних» памятниках или отдельных сопоставлений она предложила четкий, проверяемый любым желающим, метод изучения хронологии раннеславянской керамики. Он заключается в создании детальной, отражающей эволюцию типологии керамических сосудов (для пражской культуры — на основании изменения характера профилировки венчиков) и анализе совстречаемости выделенных вариантов в комплексах. Кстати, основы этого метода были сформулированы и апробированы на материалах из раскопок городища и селища в Хотомеле (Русанова, 1958, с. 38—45; 1973, с. 14—15).

Сначала, пока Хотомель оставался одним из базовых памятников, И. П. Русанова изучала изменение набора вариантов венчиков в зависимости от глубины залегания на городище. Правда, выразительных результатов это не дало и позволяло лишь четко выделить набор посуды, отложившийся ниже слоя пожара, от более позднего. Потом, когда был получен представительный материал из закрытых комплексов в полуземлянках, находки с городища стали делиться лишь на верхний и нижний слои. При этом, введение материалов Хотомеля в общую сериацию комплексов Волыни и Полесья, позволило утверждать, что керамика даже нижнего слоя Хотомеля отличается от еще более архаичных материалов из Корчака и некоторых других памятников (Русанова, 1973, с. 14—15; 21—22; с. 20, табл. VII). Абсолютная дата нижнего слоя хотомельского городища («7 в.») определялась исходя из более ранней типологической позиции, чем комплексы, датированные рубежом 7/8 вв. и позднее, а также на основе присутствия в нижнем горизонте Хотомеля крупной трехлопастной стрелы.

В обобщающих работах и обзорах 1970 — начала 1980-х гг. по археологии Беларуси хронология интересующих нас памятников (их иногда выделяли в особую, «хотомельско-петриковскую» культуру) специально не рассматривалась и определялась в целом, в хронологических рамках, близких тем, что обоснованы в трудах Ю. В. Кухаренко и И. П. Русановой (например, Поболь, 1970, с. 228, 233, 235, 238, 240; 1973; 1983, с. 42, 47—48).

Лишь в недавнее время появился ряд статей, нацеленных на систематическую публикацию материалов с памятников пражской культуры на территории Беларуси. Публикуя материалы интереснейшего поселения Остров, при определении его датировки А. А. Егорейченко (1991) опирался на серию индивидуаль-

ных находок. Сочетание периодов бытования бус позднеримского времени и прогнутой подвязной фибулы, оценка железных дротика и пряжки привели его к выводу о существовании поселения “во 2-й половине 4 в. или не позднее начала 5 в. н.э.” (Егорейченко, 1991, с. 66—67, 70—71). Следует отметить, что не все определения вещей, предложенные А. А. Егорейченко, несомненны (подробнее — см. ниже, часть 4 статьи), но с итоговой датировкой памятника и оценкой его особого значения в изучении пражской культуры трудно не согласиться.

Другие памятники, опубликованные в 1990-е гг., не содержали столь выразительного подбора хронологических индикаторов, и их датировка была возможной лишь основываясь на оценках керамического материала. К этому времени подход, предложенный И. П. Русановой, стал среди специалистов по пражской культуре общепризнанным, и на его основе появилось несколько локальных хронологических шкал, созданных специалистами из России, Украины, Польши, Чехии, Словакии (обзор см. Гавритухин, 1997, с. 39—42 и прим. 2; 2000, с. 74 и прим. 5, 6). При публикации материалов из раскопок А. З. Ковалени в Петрикове сопоставление со шкалой по Восточной Волыни и Киевщины на фоне других древностей пражской культуры позволило мне датировать петриковские материалы в рамках 5—6 вв., а для части из них предложить синхронизацию с наиболее архаичными пражскими памятниками, относящимися к фазе “0” и датируемым около второй половины 4 в. или чуть шире (Gavrituchin, 1991; см. так же: Гавритухин, 1997, с. 42; 2000, с. 74—75, а публикацию шкалы, куда включены и материалы из Острова, — Шовкопляс, Гавритухин, 1993).

В. С. Вергей (1993), датируя материал из жилищ поселения Струга 1, опиралась на шкалы, разработанные И. П. Русановой и Б. А. Тимощуком для поселений в Кодыне (Черновицкая обл. на юго-западе Украины), а также М. Парчевским для пражских памятников на территории Польши (Русанова, Тимошук, 1984; Parczewski, 1988). В итоге был получен вывод о датировке жилищ 1 и 2 из Струги в рамках 7 в., а жилища 3 — “Немного позже, видимо в 8 веке, может быть в его первой половине”, при том что поселение в целом функционировало и позднее (Вергей, 1993, с. 73). М. Ф. Гурин, публикуя материалы из Кожан—Городка, опирался на разработки И. П. Русановой и прежде всего на упомянутую кодынскую шкалу (Гурын, 1994). В итоге материал из раскопанного жилища был датирован в рамках 6 в., близкая дата, не выходящая за рамки 6—7 вв., была предложена и для всего комплекса материалов пражской культуры, полученных в ходе работ на этом памятнике (Гурын, 1994, с. 157).

Параллельно с этими конкретными разработками были представлены и наблюдения о хронологии всего подбора наиболее полно исследованных памятников пражской культуры в Беларуси. По оценкам В. С. Вергей, высказанным на VI конгрессе славянской археологии в Новгороде, памятники пражской культуры появляются в Припятском Полесье на рубеже 4/5 вв. или в первой половине 5 в., примером чего являются

материалы из Острова, не позднее 5 в. возникает поселение в Петрикове, на рубеже 5/6 вв. — в Снядине 1 и 2, в рамках 6—7 вв. функционировали поселения в Кожан—городке, Блювиничах, Бухличском хуторе, Камне, в 7—8 вв. — в Струге и Липлянах, тогда же возникают городища в Хотомеле, Хильчицах, Хоромске (Вергей, 1997). В более позднем обзоре она отнесла к раннему горизонту материалы из Острова и Петрикова, а прочие упомянутые памятники датировала в рамках 6—7 вв., причем городища — не ранее 7 в. (Вергей, 1999).

Мной, на том же Новгородском конгрессе, была предложена несколько другая группировка доступного материала. К фазе “0” пражской культуры (ок. середины 4 — начала 5 вв.) отнесены материалы из Острова, возможно, Петрикова, не исключено и Хильчиц; не позднее первой половины 6 в. появляется поселение в Струге и могильник в Семурадцах, а пожар, перебивший нижний горизонт Хотомеля датируется в рамках второй половины 6 — первых десятилетий 7 в. (Гавритухин, 1997, с. 42, 46—48; 2000, рис. 1 и 2). Прочие памятники в этих статьях не обсуждались, поскольку не были необходимы для рассматриваемых тем. Хронологический репер середины — второй половины 6 в., скорее ближе к середине этого столетия, был отмечен в слое поселения Бухличский хутор, и репер с широкой датой (около 5—6 вв.) — в погребении из Хорска (Гавритухин 2002, с. 239, 243; Гавритухин — в печати 1).

Следует отметить, что рассмотренные выше оценки полесских памятников основаны преимущественно на хронологических шкалах, сформированных по материалам других регионов пражской культуры. Во многом это связано с численным недостатком белорусского материала. Кроме того, единство основных тенденций эволюции пражской керамики отмечалось практически всеми исследователями. Наконец, этот подход позволил сформулировать ряд гипотез и оценок, невозможных, если его исключить. Однако датировки по аналогиям, строго говоря, уязвимы методически. Общепризнанным является утверждение, что значительно более надежен результат, если синхронизировать не отдельные находки из разных культур или локальных групп, а шкалы относительной хронологии, созданные по материалам максимально культурно однородных памятников. Это тем более понятно, если синхронизация проводится на основе посуды домашнего изготовления, крайне редко бывшей предметом далекого импорта. Единство или близость в развитии керамической традиции не исключает отличающихся для разных регионов ритмов, а иногда и некоторых форм развития. Для пражской культуры, в частности для ее поздних фаз, это уже отмечалось исследователями. (Подробнее об обозначенных в этом абзаце аспектах см.: Гавритухин, 1997; 1998, с. 181—183; он же — в печати 1). Замечу, кстати, что при выделении ранних пражских памятников в Беларуси расхождений в новейших работах практически нет, а в отношении более поздних — они вполне заметны.

Итак, создание собственной хронологической шкалы для памятников пражской культуры Белорусско-

Рис. 1. Схема типологии венчиков пражской культуры. Каждый вариант описывается и шифруется сочетанием характера профилировки (обозначается заглавной буквой или римской цифрой) и среза венчика (обозначается строчной буквой)

го Полесья является насущной задачей. Лишь на ее основе могут быть содержательно рассмотрены и поняты любому заинтересованному читателю возникающие противоречия и неясности в датировках памятников. Опыт создания такой шкалы и представлен в данной работе.

В более общем плане данная статья примыкает к серии публикаций локальных шкал, на которых базируется общая система хронологии пражской культуры (Гавритухин, 1997; 1999; Он же — в печати 1). К настоящему времени опубликованы шкалы для Житомирщины, куда включены и материалы с северной окраины Киева (Шовкопляс, Гавритухин, 1993; Томашевский, Гавритухин, 1992), для региона, охватывающего верховья Западного Буга и западную часть Волыни (Гавритухин, 1998), сериация материалов из Луки Каветчинской на Среднем Днестре (Гавритухин — в печати 2).

2. Методика и источники

Как отмечено выше, специалистами общепризнано, что классификацию керамики пражской культуры, направленную на изучение хронологии, наиболее целесообразно строить на основе фиксации степени профилированности и некоторых других особенностей формовки венчика. Сочетание в комплексах выделенных таким образом вариантов сосудов позволяет распределять как комплексы, так и описывающие их варианты сосудов, в хронологической последовательности. Одна из модификаций этого подхода в изучении хронологии пражской культуры, впервые четко сформулированного и примененного И. П. Русановой, лежит в основе данной работы. Используемая мной типологическая схема (рис. 1) и полученные на ее основе результаты (сериации конкретных материалов) неоднократно ссылались как по принципам построения и использования, так и по конкретным вопросам применения (литературу см. выше). Здесь отметим следующее.

При построении типологической системы возможны два, в принципе не противоречащих друг другу, подхода, каждый из которых имеет сильные и сла-

бые стороны. Первый заключается в том, чтобы выделить и объединить в варианты наиболее схожие образцы из рассматриваемой в данном конкретном случае совокупности материала. Главное здесь — уловить повторяемость и специфические формы, позволяющие максимально точно зафиксировать все особенности объектов рассматриваемой совокупности, важные для ее максимально “органичного” внутреннего подразделения. Вопросы строгости и простоты описания, применимости выделенных вариантов для сравнения с другими совокупностями при такой стратегии будут “второразрядными”. Второй подход связан с максимально простым, но предельно дифференцированным разделением рассматриваемого материала “в принципе”. Этот подход более схематичен, иногда нивелирует важные нюансы, зато позволяет использовать систему более широко, делает проще сравнение результатов анализа рассматриваемой совокупности материала с другими. В данной статье акцент сделан на использовании второго из охарактеризованных подходов. Это не значит, что первый подход я считаю ненужным. Было бы даже интересно сравнить результаты применения той и другой стратегии, тем более, что некоторые шаги по детальной типологии пражской керамики специально для белорусских материалов уже сделаны (напр., Вергей, 1993).

Особенности лепных сосудов, важные для выделения вариантов по используемой мной типологии, не всегда отчетливы по публикациям. Кроме того, работа с фрагментированным материалом ставит вопрос о надежности реконструкции форм сосудов. В связи с этим использованный в данной работе материал обрабатывался в оригинале или учитывался по прорисовкам авторов, стиль рисования которых мне понятен и проверялся. Соответственно, приведенные в таблице сериации определения о принадлежности сосуда определенному варианту не всегда соответствуют его изображению в публикациях. Неоднократны случаи, когда у лепного сосуда на разных участках моделировка отли-

чается. Некоторые авторы считают это аргументом для сомнения в целесообразности, и даже возможности в принципе, детальной типологии керамики. Существуют и предложения по “усреднению” отклонений для реконструкции “средней” или “идеальной” формы (они высказаны пока, насколько мне известно, лишь устно и не реализованы практически на достаточно представительном материале). В этом вопросе более целесообразным и строгим методически было бы давать определение сосуда как принадлежащего нескольким вариантам (всем, которые представлены на сохранившихся частях, за исключением явных деформаций). Кроме того, в публикациях нередко приводятся лишь наиболее выразительные формы из комплекса, представляется более правильным учитывать и сравнительно небольшие фрагменты, если они типологически определимы. По указанным причинам количество учтенных вариаций при характеристике комплекса может отличаться от его численного состава по публикациям.

Понятно, что контролировать предложенные мной определения читателю довольно трудно. С другой стороны, перепубликовать обработанные материалы в том виде, как они представляются мне, явно нереально практически. Один из выходов в данной ситуации — обсуждение рисунков разных авторов при работе непосредственно с коллекцией. Опыт такой работы с материалами из Беларуси был начат мной и В. С. Вергей, что позволило снять целый ряд расхождений в графической фиксации материалов и очертить точки несовпадения наших реконструкций (пользуясь случаем, приношу В. С. Вергей благодарность за открытость и готовность к сотрудничеству, ведь работа шла на материале ее раскопок). Для того чтобы сделать возможным публичное обсуждение расхождений в оценках конкретного материала, представляется целесообразным при публикации сосуда указывать его шифр, позволяющий однозначную идентификацию в коллекции.

В данной статье, для возможности читателю полнее представить источниковедческие основания предлагаемой схемы, ниже приводится краткая характеристика использованных материалов.

Надежный свод материалов пражской культуры с территории Беларуси, к сожалению, пока отсутствует. Существует три базовых, но существенно различающихся списка памятников. Свод И. П. Русановой (1973), составленный более трех десятилетий назад, для современного уровня знаний явно очень не полон, да и некоторые сведения из него не проверяемы из-за неясности места хранения (или гибели?) коллекций из разведок. Карта Л. Д. Поболя (1983), пожалуй, наиболее представительна по числу пунктов, но материалы пражской культуры даны там суммарно, вместе с материалами культуры Луки Райковецкой. С другой стороны, критерии для определения памятников там практически не обсуждаются, материал описан очень кратко, а в некоторых случаях вызывает сомнения его атрибуция. В. С. Вергей пока представила лишь перечисление памятников пражской культуры (Вяргей, 1999, с. 392—393, мал. 96). Учитывая, что она является ведущим специалистом по изучению культур Южной Беларуси середины — второй половины 1 тыс.

н. э., проводимым наиболее масштабные исследования этих памятников, ее определения можно считать вполне надежными (в чем я имел возможность убедиться при работе с некоторыми коллекциями). Однако сам по себе список не делает для читателя ясными, в какой степени материалы каждого из пунктов представительны и пригодны для анализа, а отсутствие детального разбора всех памятников, фигурировавших в старой литературе как близкие тем, что относятся к пражской культуре (ср. работу такого рода в: Pączkowski, 1988), оставляет сомнения в полноте сводки В. С. Вергей даже на уровне информации, полученной к настоящему времени.

Особая проблема связана с выяснением северной и восточной границы памятников пражской культуры. Определенным препятствием для работы в этом направлении является бытующее схематичное представление о пражском керамическом комплексе, где якобы безраздельно господствуют горшки с выпуклым плечиком, расположенным в верхней трети сосуда, и коротким прямым венчиком. Уже даже специально отмечалось, что это не так, комплекс керамических форм пражской культуры много более разнообразен, “удельный вес” эталонных форм меняется во времени, не говоря уж о локальных особенностях (Gavrituchin, 1991, S. 98—99; Гавритухин, 1997, напр., с. 42 — ведущие формы фазы “0”). И материалы Беларуси подтверждают сказанное (Вяргей, 1999, с. 236—237). Важна и оценка форм, не редких для ряда пражских комплексов, но присутствующих и на колочинских памятниках (например, тип VI, I—1 по Макушнікаў, 1999, и, возможно, некоторые другие). Являются ли они следами контактов или отражают особенности эволюции “собственно колочинского” (в целом или каких-то локальных вариантов) набора форм?

Во всяком случае, атрибуция материалов из Юровичей, Шареек и некоторых других пунктов как однозначно принадлежащих колочинской культуре (Перхавко, 1999; Макушнікаў, 1999; там и литература о взглядах других специалистов) представляется мне не безусловной. Вряд ли можно считать снятыми и сомнения в отношении урны из Виртков (Кухаренко, 1955, с. 36; 1961, с. 7), совсем обойденной вниманием всех авторов недавнего обобщения белорусских материалов (Археологія, 1999). Симптоматичны и оценки авторами раскопок материалов из Проскурена в Гомельском Поднепровье, как находящихся наибольшее соответствие в пражской культуре (Дробушевский, Штеменко, 1997; пользуясь случаем, благодарю О. А. Макушникову и А. И. Дробушевского за ценные консультации по материалам из Гомельской обл.). О продвижении носителей пражской культуры на север свидетельствуют наблюдения Ю. В. Колосовского (1997) над материалами из Вежек в Оршанском Поднепровье (благодарю автора раскопок за возможность познакомиться с неопубликованными материалами, вполне соотносимыми с поздними комплексами пражской культуры Полесья). В том же контексте внимания заслуживают материалы из Воронино на Могилевщине (курганы 4 и 8, см.: Соловьева, 1970), коло-

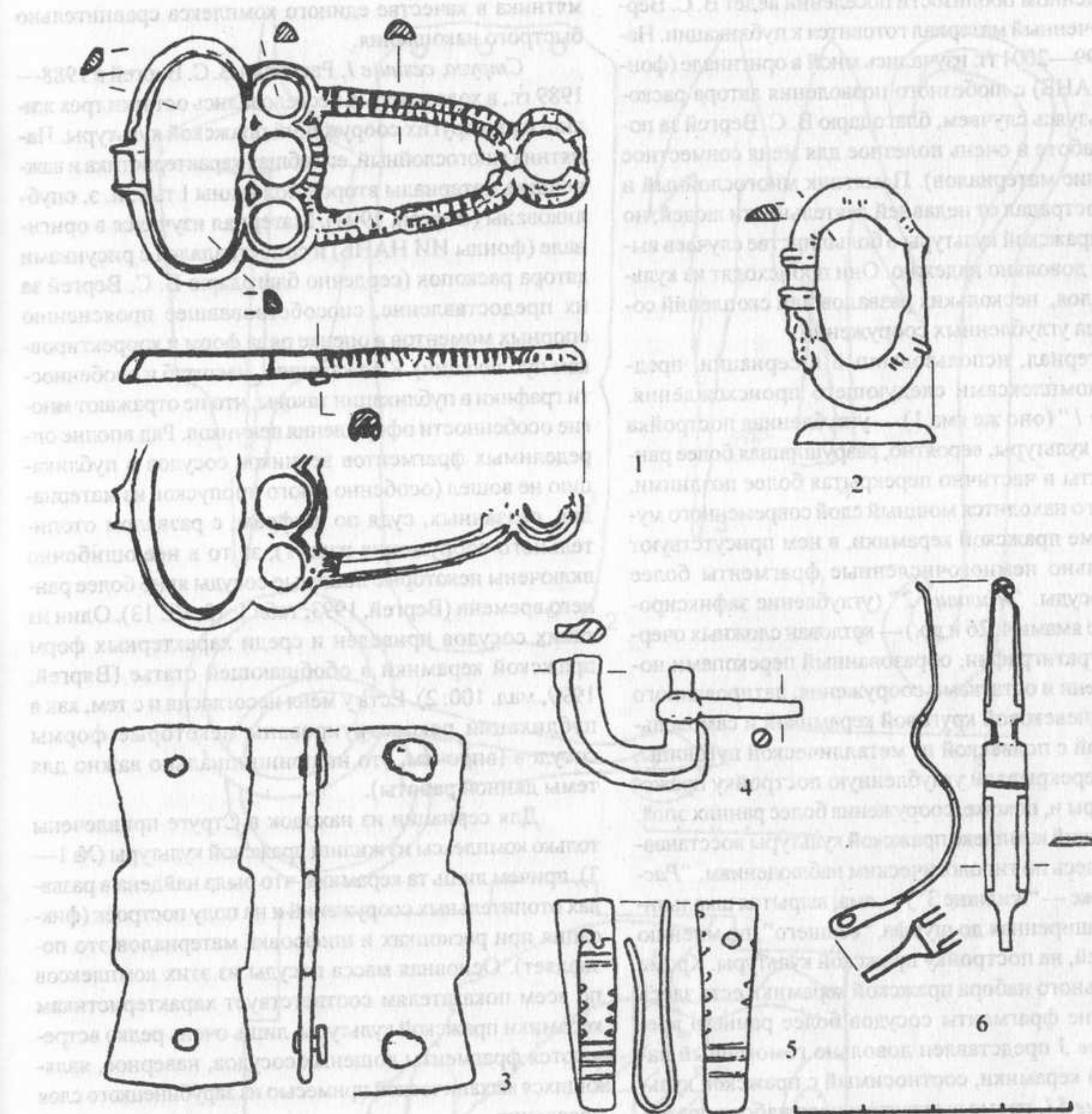

Рис. 2. Датированные вещи с памятников пражской культуры Полесья. 1, 3 — Снядзин 2, слой; 2 — Хорск, погр. 1937 г.; 4—6 — Остров 2, слой (2 — рис. Ю. В. Кухаренко, предоставленный И. П. Русановой; 4, 5 — по Егорейченко 1991; остальные — рис. с оригиналов). Масштаб общий

чинского селища (Сымонович, 1963, с. 123 — жил. 2 и некоторые другие комплексы) и, наверное, ряда других памятников. Представляется, что более детальный анализ упомянутых материалов позволит расширить или конкретизировать круг источников для понимания пражской культуры в Беларуси, а также получить новые реперы для исследования ее хронологии.

Таким образом, круг материалов, использованных в данной статье для создания хронологической схемы, явно не исчерпывает даже наличного потенциала. Не привлекались к данной работе и ряд неопубликованных материалов (Хоромск, Камень 6 и некоторые другие, сведения о них см.: Вяргей, 1999; АНБ; там же литература), по разным причинам оставшихся недоступными для обработки. Ряд памятников не включен в

таблицу сериации, поскольку представленные там материалы недостаточно выразительны или вызывают трудности при выделении комплексов. Тем не менее даже без указанных источников привлеченный материал довольно представительен и, кажется, позволяет судить о развитии пражского керамического комплекса в Белорусском Полесье. Основу предлагаемой хронологической схемы составили следующие памятники.

Петриков, селище 2. Материалы из раскопок А. З. Ковалени в 1932 г. на окраине г. Петрикова, к сожалению, нет возможности рассматривать по полностью достоверным комплексам (Gavrituchin, 1991; АНБ, с. 498; по сообщению В. С. Вергей, в фондах ИИ НАНБ есть и другие материалы из этих раскопок, не вошедшие в публикации). С 1999 г. раскопки на этом же или

расположенном поблизости поселении ведет В. С. Вергей. Полученный материал готовится к публикации. Находки 1999—2001 гг. изучались мной в оригинале (фонды ИИ НАНБ) с любезного позволения автора раскопок (пользуясь случаем, благодарю В. С. Вергей за помощь в работе и очень полезное для меня совместное обсуждение материалов). Памятник многослойный и сильно пострадал от недавней деятельности людей, но находки пражской культуры в большинстве случаев выделяются довольно надежно. Они происходят из культурного слоя, нескольких развалов или скоплений сосудов, ряда углубленных сооружений.

Материал, использованный в серии, представлен комплексами следующего происхождения. "Жилище 1" (оно же яма 1) — углубленная постройка пражской культуры, вероятно, разрушившая более ранние объекты и частично перекрытая более поздними, — выше его находится мощный слой современного мусора. Кроме пражской керамики, в нем присутствуют сравнительно немногочисленные фрагменты более ранней посуды. "Жилище 2" (углубление зафиксировано также ямами 4, 26 и др.) — котлован сложной очертаний и стратиграфии, образованный перекопами нового времени и остатками сооружения, датированного раннесредневековой круговой керамикой и самодельной серьгой с подвеской из металлической пуговицы, которые перекрывали углубленную постройку пражской культуры и, похоже, сооружения более ранних эпох. Керамический комплекс пражской культуры восстанавливается здесь по типологическим наблюдениям. "Раскоп 2" (то же — "жилище 3") — яма, вырытая школьниками и расширенная до шурфа, "севшего", по мнению В. С. Вергей, на постройку пражской культуры. Кроме выразительного набора пражской керамики есть здесь и небольшие фрагменты сосудов более раннего времени. В яме 3 представлен довольно однородный набор лепной керамики, соотносимый с пражской культурой. В яме 53, кроме выразительного набора пражской керамики, есть и небольшие, довольно легко определяемые, фрагменты сосудов предшествующих эпох, попавшие из культурного слоя или разрушенных сооружений.

Остров, селище 2. На поселении в ходе раскопок А. А. Егорейченко в 1987 г. исследовано три слабо углубленных жилища пражской культуры, несколько ям, практически не содержащих определяемого материала, ряд находок происходит из культурного слоя. Материалы других культур, представленные на памятнике, за единичными исключениями, довольно легко отличимы от пражских. Результаты этих работ опубликованы практически полностью (Егорейченко, 1991; АНБ, с. 141). Материалы изучались мною также в оригинале по коллекции в ИИ НАНБ (небольшие корректировки к публикации А. А. Егорейченко см.: Гавритухин — в печати 1). Пражская керамика, полученная в ходе исследований на селище, довольно малочисленна и типологически весьма однородна, что отмечено автором раскопок и признано практически всеми специалистами. Сказанное делает возможным и целесообразным рассмотрение материалов пражской культуры этого па-

мятника в качестве единого комплекса сравнительно быстрого накопления.

Струга, селище 1. Раскопки В. С. Вергей в 1988—1989 гг., в ходе которых исследовались остатки трех жилищ и ряд других сооружений пражской культуры. Памятник многослойный, его общая характеристика и важнейшие материалы второй половины I тыс. н. э. опубликованы (Вергей, 1993). Материал изучался в оригинале (фонды ИИ НАНБ) и сопоставлялся с рисунками автора раскопок (сердечно благодарю В. С. Вергей за их предоставление, способствовавшее прояснению спорных моментов в оценке ряда форм и корректировкам публикации). К сожалению, масштаб и особенности графики в публикации таковы, что не отражают многие особенности оформления венчиков. Ряд вполне определенных фрагментов венчиков сосудов в публикации не вошел (особенно много пропусков из материалов, связанных, судя по шифрам, с развалом отопительного сооружения жил. 1), за то в нее ошибочно включены некоторые лощеные сосуды явно более раннего времени (Вергей, 1993, табл. I: 12, VI: 13). Один из таких сосудов приведен и среди характерных форм пражской керамики в обобщающей статье (Вергей, 1999, мал. 100: 2). Есть у меня несогласия и с тем, как в публикации реконструированы некоторые формы сосудов (впрочем, это не принципиально важно для темы данной работы).

Для серии из находок в Струге привлечены только комплексы из жилищ пражской культуры (№ 1—3), причем лишь та керамика, что была найдена в развалах отопительных сооружений и на полу построек (фиксация при раскопках и шифровка материалов это позволяет). Основная масса посуды из этих комплексов по всем показателям соответствует характеристикам керамики пражской культуры, лишь очень редко встречаются фрагменты лощеных сосудов, наверное, являющихся механической примесью из зарубинецкого слоя поселения.

Хотомель. Комплекс памятников второй половины I тыс. н. э., включающий городище, селище, могильник. Наиболее масштабные работы проводили на протяжении нескольких сезонов с 1954 г. И. П. Русанова и К. В. Каспарова в составе экспедиции, возглавляемой Ю. В. Кухаренко. Опубликованы общее описание комплекса и входящих в него памятников, обзор результатов произведенных работ, индивидуальные находки и характеристика керамики (Кухаренко, 1957; 1961, с. 22—27; Русанова, 1958, с. 39—45; 1973, с. 14—15, 19, 42—43; АНБ, с. 632—633; Гавритухин, 1997, с. 47; Он же — в печати 1). Материалы из могильника не сохранились, а подавляющее число находок из раскопанной части селища, примыкающего к городищу, синхронны верхнему слою городища и относятся к культуре Луки Райковецкой. Поэтому в данной статье рассматривается лишь материалы нижнего горизонта городища Хотомель. И. П. Русанова передала мне полевую документацию по работам на этом памятнике (автор благодарен ей не только за это, но и за всестороннюю помощь в работе, ценное обсуждение ее первых результатов), что

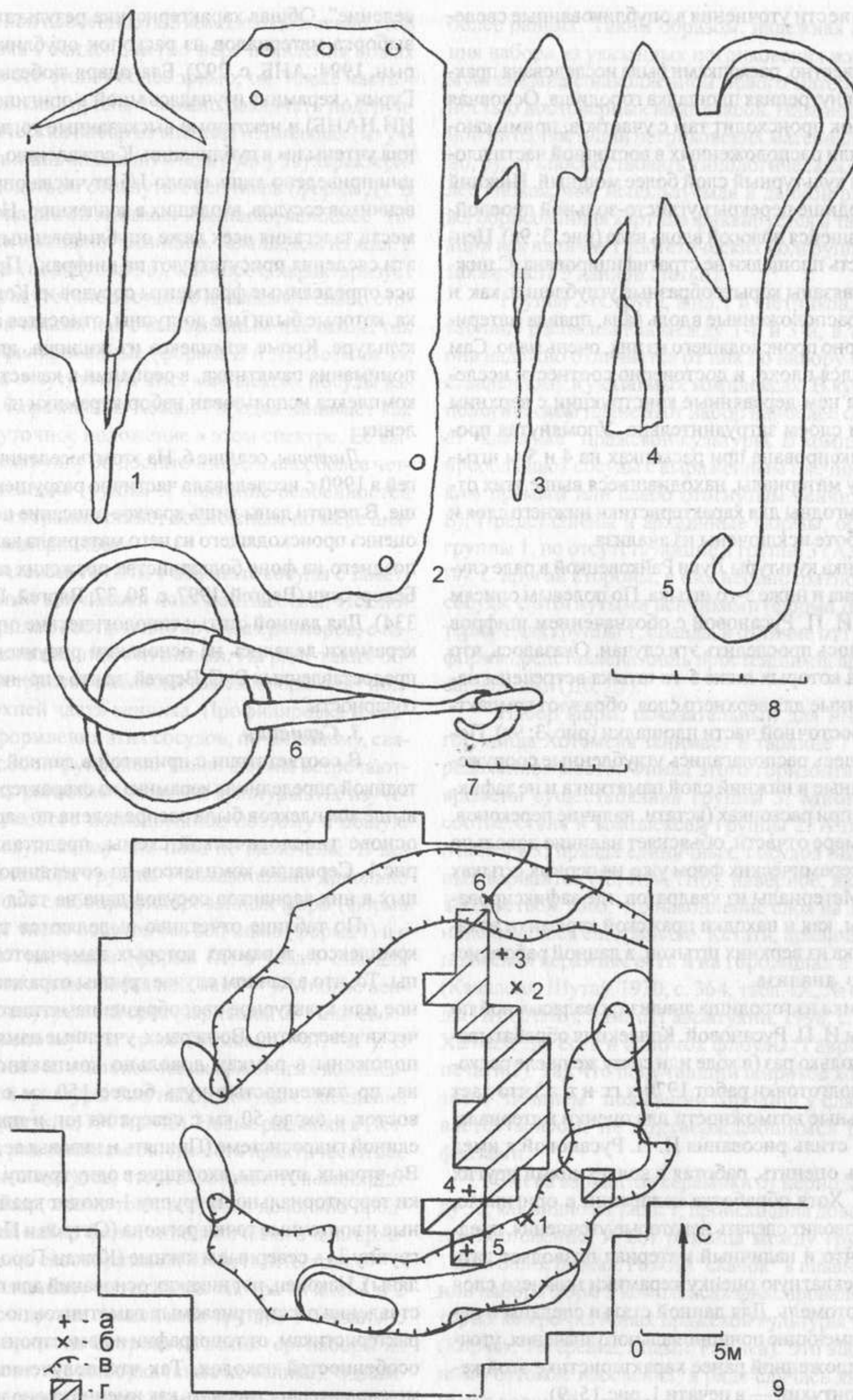

Рис. 3. Хотомель, материал из углисто-золистой прослойки и ниже нее: 1—6 — индивидуальные находки; масштаб: 7 — для 6, 8 — для 1—5; 9 — план нижнего слоя городища. Условные знаки к плану 9: а — находки на уровне прослойки, б — находки ниже прослойки, в — границы прослойки, г — зоны перекопов, цифры на плане соответствуют изображениям 1—6

позволяет внести уточнения в опубликованные сведения.

Как известно, раскопками была исследована практически вся внутренняя площадка городища. Основная масса находок происходит там с участков, примыкающих к валу или расположенных в восточной части площадки, где и культурный слой более мощный. Нижний слой на городище перекрыт углисто-золевой прослойкой, вытянувшейся полосой вдоль вала (рис. 3: 9в). Центральная часть площадки не стратифицирована. С нижним слоем связаны корытообразные углубления, как и прослойка, расположенные вдоль вала, правда материала, достоверно происходящего из них, очень мало. Сам вал сохранился плохо, и достоверно соотнести исследованные на нем деревянные конструкции с верхним или нижним слоем затруднительно. Упомянутая прослойка зафиксирована при раскопках на 4 и 5-м штыках, поэтому материалы, находившиеся выше этих отметок, не пригодны для характеристики нижнего слоя и в данной работе исключены из анализа.

Керамика культуры Луки Райковецкой в ряде случаев встречена и ниже 5-го штыка. По полевым описям и рисункам И. П. Русановой с обозначением шифров сосудов удалось проследить эти случаи. Оказалось, что квадраты, на которых ниже 5-го штыка встречены находки, типичные для верхнего слоя, образуют компактную зону в восточной части площадки (рис. 3: 9г). Повидимому, здесь располагались углубленные сооружения, впущенные в нижний слой памятника и не зафиксированные при раскопках (кстати, наличие перекопов, по крайней мере отчасти, объясняет наличие довольно архаичных керамических форм уже на первых штыках раскопок). Материалы из квадратов, где зафиксированы перекопы, как и находки пражской керамики архаичного облика из верхних штыков, в данной работе исключены из анализа.

Керамика из городища анализировалась мной по прорисовкам И. П. Русановой. Коллекция обрабатывалась ею несколько раз (в ходе или сразу же после раскопок, в ходе подготовки работ 1970-х гг. и т. д.) что дает дополнительные возможности для оценки материала. Кроме того, стиль рисования И. П. Русановой я имел возможность оценить, работая с коллекциями других памятников. Хотя обработка коллекции в оригинале, вероятно, позволит сделать некоторые уточнения, представляется, что и наличный материал позволяет дать довольно адекватную оценку керамики нижнего слоя городища Хотомель. Для данной статьи сделаны и некоторые, не имеющие принципиального значения, уточнения в предложенной ранее характеристике этой керамики (Гавритухин — в печати 1, рис. 15: 9).

Кожан-Городок. Раскопки М. Ф. Гурина в 1981 г., в ходе которых был заложен раскоп и три шурфа, расположенных ближе к вытянутой валообразной насыпи, происхождение и характер которой, судя по публикациям, не изучались. В раскопе исследована одна углубленная сгоревшая постройка (жилище). По сравнению с большинством пражских селищ много материала происходит и из довольно мощного (до 0,7 м) слоя памятника, оцененного автором раскопок как “по-

селение”. Общая характеристика результатов работ и выборка материалов из раскопок опубликованы (Гурин, 1994; АНБ, с. 292). Благодаря любезности М. Ф. Гурина керамика изучалась мной в оригинале (фонды ИИ НАНБ) и некоторые высказанные тогда наблюдения учтены им в публикации. К сожалению, в публикации приведено лишь около 1/5 от числа определимых венчиков сосудов, входящих в коллекцию. Не указаны и места залегания всех даже опубликованных форм (но эти сведения присутствуют на шифрах). Практически все определимые фрагменты сосудов из Кожан-Городка, которые были мне доступны, относятся к пражской культуре. Кроме комплекса из жилища, для лучшего понимания памятника, в сериации в качестве особого комплекса использован набор керамики из слоя поселения.

Липляны, селище б. На этом поселении В. С. Вергей в 1990 г. исследовала частично разрушенное жилище. В печати даны лишь краткое описание постройки и оценка происходящего из него материала как довольно позднего на фоне большинства пражских памятников Белоруссии (Вергей, 1997, с. 30, 37; Вяргей, 1999, с. 322, 334). Для данной статьи типологические определения керамики делались на основании рисунков, любезно предоставленных В. С. Вергей, за что я приношу ей благодарность.

3. Сериация

В соответствии с принятой в данной работе методикой определяемая керамика из охарактеризованных выше комплексов была распределена по вариантам на основе типологической схемы, представленной на рис. 1. Сериация комплексов по сочетанию встреченных в них вариантов сосудов дана на табл. 1.

По таблице отчетливо выделяются три группы комплексов, в рамках которых намечаются подгруппы. То, что в данном случае группы отражают локальное или культурное своеобразие памятников, практически неоспоримо. Во-первых, учтенные памятники расположены в рамках довольно компактного региона, протяженностью чуть более 150 км с запада на восток и около 50 км с севера на юг, и принадлежат единой гидросистеме (Припять и низовья ее притоков). Во-вторых, пункты, входящие в одну группу, явно далеки территориально. В группу 1 входят крайние западные и восточные точки региона (Остров и Петриков), в группу 3 — северные и южные (Кожан-Городок и Липляны). Наконец, нет никаких оснований для противопоставления рассматриваемых памятников по любым характеристикам, от топографии и домостроительства до особенностей находок. Так что полученные группы можно интерпретировать как именно хронологические. Общие закономерности эволюции пражского керамического комплекса и существующие реперы (подробнее см. часть 4 статьи) свидетельствуют, что группа 1 является в этом ряду ранней, а группа 3 — поздней.

Группа 3 выделяется присутствием заметного числа сосудов с отогнутыми венчиками (форма Д — здесь и далее обозначения см на рис. 1). Часты внешние срезы и утолщения краев сосудов (вариации “д” и “ж”). Сочетание этих признаков (варианты Дд и Дж) являют-

ся характерной особенностью комплексов именно этой группы. Пока в тенденции (по мере появления новых материалов это станет более зримо; см. также часть 4 статьи) в рамках группы 3 можно различать подгруппы. Керамический набор из жилища в Липлянах (из учтенных пока лишь он входит в подгруппу 3в) характеризуется господством отогнутых венчиков (форма Д). В таблице сериации он занимает крайнюю, наиболее “типологически позднюю” позицию. Комплексы из жил. 2 и 3 в Струге (подгруппа 3а), наоборот, характеризует заметное присутствие сосудов с прямыми и слабо отогнутыми венчиками как с выраженным плечиком, так и слабопрофилированными (формы Б и А). Возможно, не случайно отсутствие в этих комплексах посуды варианта Дж. Керамика из Кожан-Городка занимает как бы промежуточное положение в этом спектре. Ее выделение в подгруппу 3б достаточно условно, более четкое подразделение группы 3, описание особенностей подгрупп и их границ станет возможным по мере анализа новых материалов.

В комплексах группы 1 обычные сосуды с заметным отогнутыми венчиками пока не известны. Исключение — горшки, как правило крупных размеров, с налипшими валиками под венчиками. На ряде таких образцов из Петрикова наблюдается своеобразная “подгранка” верхней части венчика. Профилировка и особенности оформления этих сосудов, по-видимому, связаны с их особой функцией. Такие формы встречаются и в других регионах пражской культуры. Их изучение — тема особого исследования, поэтому в общую типологическую схему они пока не включены. В целом же, для набора группы 1 показательно довольно большое число слабопрофилированных форм (форма А), заметное число сосудов без венчиков (форма I) и с “прогнутым” плечиком (форма III; в табл. 1 она для компактности ячеек обозначена как “Т”). Многие венчики имеют внутренний срез (вариация “а”) или своеобразную “кепочку” на срезе (вариации “з”, “м”). В 1990-е гг. одним из эталонов таких архаичных комплексов пражской культуры был набор посуды с поселения Остров (Гавритухин, 1997, с. 42). Новые раскопки в Петрикове дали ряд комплексов, где есть практически все те же варианты сосудов, что и в Острове. А в жилищах 1 и 2 Петрикова, кроме того, встречен довольно представительный набор форм, типологически очень архаичных и весьма своеобразных (Iг, Iм, Iз, IIIе, Ам).

Не исключено, что отличия набора из жил. 1 и 2 Петрикова от других комплексов группы 1 связаны с тем, что материал из Острова не велик (ср. наборы из ям в Петрикове, где выборка также не велика). Однако отмеченных своеобразных форм нет и на других памятниках фазы “0” пражской культуры (ранние комплексы из Корчака, Бернашовки, Оболони и др.). С другой стороны, в комплексах фазы “0” на основе используемой типологии не фиксируются формы, которые бы отличались от тех, что есть в Петрикове. Возможно, это связано с тем, что жил. 1 и 2 в Петрикове имеют серьезные повреждения от более поздних построек, а сами нарушают более ранние, т. е. здесь возможно смешение материалов фазы “0” и несколько

более ранних. Таким образом, надежная интерпретация набора из указанных петриковских жилищ напрямую связана с накоплением нового материала из полностью достоверных комплексов. Наконец, более точной интерпретации петриковских материалов, возможно, будет способствовать типологическая система, более гибкая, чем используемая в данной работе. Пока же обрисованная картина фиксируется в таблице сериации как наличие гипотетических подгрупп 1а и 1б (см. также часть 5 данной статьи).

Группа 2 (Струга, жил. 1 и Петриков, раскоп 2) в таблице расположена между 1-й и 3-й, в то же время она надежно отличается от них по набору форм, представленному в указанных комплексах. В культурно-типологическом плане этот набор наиболее соответствует “классике” пражской культуры. В комплексах явно преобладают сосуды с выраженным плечиком и коротким прямым или слабо отогнутым венчиком (форма Б). Представлены и архаичные формы, обычные для группы 1, но отсутствующие в группе 3 (Аа, Аз, Ба, Бз, Iв). С другой стороны, в них неоднократно встречены сосуды с отогнутыми венчиками (форма Д), не характерные для группы 1, правда, в отличие от группы 3 эта форма представлена лишь простейшими, архаичными, вариантами (Дб, Дг).

Набор форм, показательный для нижнего слоя городища Хотомель занимает в таблице 1 вполне определенное место. Финал этого горизонта синхронен времени существования группы 3. Многочисленные соответствия и комплексам группы 2. А присутствие некоторых, правда единичных, сосудов более архаичных вариантов (Iб, IIIм, IIIб), наверное, является свидетельством того, что накопление слоя на этом памятнике началось еще раньше. Кстати, архаичные формы пражской керамики есть и на городищах в Хильчицах (Каваленя, Шутаў, 1930, с. 364, табл. IX, № 69, 70; фонды ИИ НАНБ), Зимно (Гавритухин, 1998, с. 185—186), Хачках, где есть и обломок фибулы (Гавритухин — в печати 1). Так что получивший широкое хождение тезис о “позднем” появлении городищ у славян оказывается мифом, не подтверждающимся реальными фактами.

Смена вариантов керамики от периода 2 к периоду 3а, как видно на табл. 1, происходила довольно плавно, постепенно. А вот разница между группами 2 и 1 явно более резкая. Резкий “скачок” в плавном изменении набора форм в комплексах фиксировался и в некоторых микро-регионах пражской культуры на Украине (Корчак, Тетеревка, Кодын, Рипнев). Это вполне объяснимо оттоком населения, в ряде случаев явно связанном с военной активностью славян, зафиксированной в письменных источниках (Гавритухин, 1998, с. 186—187; 2000, с. 84; Он же — в печати 2; там литература). Наверное, эти процессы затронули и Полесье, о чем свидетельствует, например, византийская фибула из Бухличского хутора (Вергей, 1996, с. 36 и рис. 2: 3; то же — Вяргей, 1999, с. 332 и мал. 103: 15; уточнения см.: Гавритухин, 2002) и некоторые другие находки. Однако, была ли военная активность славян Полесья связанной с переселениями и в какой степени они были массовы-

пражской культуры, датированной по довольно многочисленным реперам в Поднестровье в рамках середины 5—середины 6 вв., что подтверждается и всеми доступными источниками с других территорий (Гавритухин 1997, с. 43—45; 2000; Он же — в печати 1, 2). Не противоречат этому и реперы из Полесья. А отмеченный выше (см. часть 3) типологический “скачок” между группами 1 и 2 полесской шкалы вполне может соответствовать предлагаемым абсолютным датировкам. Возможность уточнения даты фазы I для некоторых территорий существует, но в доступных полесских материалах таковых пока не известно.

Керамический комплекс группы 3а в Полесье вполне соответствует фазе II пражской культуры, датированной в рамках середины 6—начала 7 вв. (Гавритухин, 1997, с. 46—48; Он же — в печати 1, 2). На фоне материалов фазы III пражской культуры из Прикарпатья и с Южного Буга, где и сосредоточены многочисленные комплексы, позволяющие датировать эту фазу в рамках 7 в., даже набор форм полесской группы 3в выглядит довольно архаичным (Гавритухин, 1997, с. 48—49; — в печати 1, 2). Вполне возможно, что выразительные материалы фазы III пражской культуры просто не вошли в выборку, представленную на табл. 1. Однако не менее вероятным может быть и другое объяснение. Как уже отмечалось, локальное своеобразие в пражской керамике становится особенно заметным на поздних фазах эволюции этой культуры. Например, из рассмотрения бугско-волинской локальной хронологической шкалы (Гавритухин, 1998, рис. 5), легко заметить, что форм, показательных для фазы III по “южным” и “западным” шкалам (длинных отогнутых или очень сильно отогнутых венчиков — формы Ж, З, срезов близких вертикальным или наклонных с “бородкой” — вариации “к”, “з”), здесь нет или очень мало. В то же время, набор поздних комплексов из этого региона довольно представительен и вполне очевидно отличим от еще более многочисленных комплексов, сопоставимых с фазой II пражской культуры. Судя по всему, поздние формы, показательные для “южных” шкал, здесь не получили распространения, и развитие керамического комплекса на Западной Волини происходило в достаточно архаичных формах. Очень вероятно, что ту же картину мы имеем и в Белорусском Полесье.

Проверить высказанную гипотезу мешает, во-первых, малое число выразительных полесских комплексов, в частности относящихся к поздней группе. А во-вторых, неясность нижней границы и отсутствие надежной характеристики керамического набора ранних фаз культуры Луки Райковецкой в Полесье, как, впрочем, и на Западной Волини (Гавритухин, 1998, с. 186). Правда, в отличии от зимневского микрорегиона, запустение Полесья со второй половины (последних десятилетий?) 7 до 9 вв. маловероятно, свидетельством чему может служить пряжка из Снядина (рис. 2: 1). Дата этой вещи около второй половины 7 в., предложенная В. С. Вергей (1999, с. 332), представляется близкой действительности, хотя и требует более детального обоснования.

Важным репером в изучении поздних материалов пражской культуры на территории Беларуси дол-

жны стать и упомянутые в части 2 статьи материалы из Поднепровья, в частности, находки из Вежек, где, по наблюдениям Ю. В. Колосовского, позднепражский комплекс появляется после гибели городища. Пожар на этом городище синхронизируется с разгромом ряда других городищ в Поднепровье и выпадением кладов типа мартыновского, финалом колочинской и пеньковской культур, другими катастрофическими событиями, датируемыми в рамках середины — второй половины 7 в. (благодарю Ю. В. Колосовского за ценные консультации и возможность познакомиться с частью материалов его раскопок; см. также: Гавритухин, Обломский 1996).

5. Некоторые дискуссионные проблемы раннеславянской археологии

В заключении остановимся на некоторых аспектах исследования раннеславянской археологии и истории, так или иначе связанных с изучением хронологии пражской культуры Полесья. Часть из приведенных ниже суждений, безусловно, весьма гипотетична, но пока лишь в такой форме можно сформулировать некоторые перспективы исследований и объяснить накопившиеся наблюдения.

Вывод о том, что значительная часть Белорусского Полесья входила в зону формирования пражской культуры, ядра собственно исторических славян (Гавритухин, 1997, 2000; Он же — в печати 1), представляется в наибольшей степени соответствующим фактам, доступным к настоящему времени. То, что в ряде сравнительно недавних обобщающих работ эта точка зрения не получила отражения, можно объяснить лишь прискорбным незнанием или незаслуженным игнорированием белорусских материалов. Действительная проблема заключается в неясности круга памятников, на базе которых пражская культура сформировалась.

Как было отмечено в части 3 статьи, наряду с набором, типичным для фазы “0” пражской культуры, по материалам новых исследований в Петрикове выделяется и ряд форм, выглядящих еще более архаично. Исходя из этих наблюдений, можно и обобщенно описать “протопражский” керамический набор, опираясь на разработки Н. В. Лопатина (2001; 2002; там другая литература) для находок из Верхнего Поднепровья. Этот набор (для единообразия его можно назвать “типа Петрикова”) характеризуется преобладанием слабопрофилированных форм с расширением в верхней части (тип 7 — здесь и далее по Н. В. Лопатину), при довольно заметном количестве более “плечистых” форм (тип 1б), сосудов без венчика (тип б) и форм со сглаженным ребром (“прогибом”) в верхней части сосуда (тип Р—1а и отчасти 2 б). По составу форм он довольно близок типам Абидни, Городка, Заозерья (в несмешанном варианте), хотя и своеобразен на их фоне. Если набор типа Городка или Заозерья можно выводить из типа Абидни и объяснять некоторые отличия вероятным влиянием субстратных традиций и неизбежными локальными отличиями, то для типа Петрикова это неприемлемо.

От упомянутых днепровских памятников типа Абидни и связанных с ним групп тип Петрикова отличается не только несколько другой состав форм и техно-

логические особенности (черепок полесских сосудов, в целом, более плотный, тонкий, господствующий отщипитель — дресва). Существенно отличаются и традиции оформления сосудов. В Припятском Полесье преобладают срезы по венчику (у архаичных форм в основном внутренние), различного рода закраины или утолщения в комбинации со срезами (вариации “а”, “з”, “м” по рис. 1 и близкие им). Все это является свидетельством особой традиции и не характерно для типа Абидни или связанных с ним групп памятников. В то же время трудно объяснить просто случайностью и отмеченное выше сходство набора форм “протопражского” керамического комплекса и типов Абидни — Городка — Заозерья. Скорее всего, это были параллельно развивавшиеся, хотя и близкие традиции. Нельзя исключить для них близкий или, на каком-то этапе их предистории, даже общий исток. Возможно и наличие групп (пока не выделенных), занимающих “среднее” положение в спектре, заданном типами Петрикова и Абидни.

На значительной части Верхнего Поднепровья керамический комплекс типа Абидни и близких традиций сменяется набором, восходящим к деснинскому варианту киевской культуры, или существенно трансформируется под его влиянием (Обломский — в печати; Лопатин, 2001). Очевидно, с этими процессами (не исключая новых “деснинских” импульсов) связано и формирование колочинской культуры в Поднепровье. Однако какие-то группы, сохраняющие традиции типов Абидни, Городка, Заозерья остаются. Скорее всего, этим можно объяснить особенности керамического набора ряда памятников круга культуры псковских длинных курганов (в наиболее чистом виде — типа Жабино; см. Лопатин — в печати). На Гомельщине схожий феномен фиксируется, возможно, упомянутым в части 2 статьи материалом из Проскурен (Дробушевский, Штеменко, 1997). Неоднократно отмечавшиеся исследователями керамические формы, близкие пражским, в этих случаях логичнее связывать не с влиянием собственно пражской культуры, а с сохранением и развитием “параллельных” традиций, восходящих к кругу Абидни — Городка — Заозерья.

Кроме носителей упомянутых групп киевской культуры, соседями “протопражского” населения были носители черняховской культуры на юге и вельбарской на западе и юго-западе. До появления славян на Среднем Днестре каких-либо заметных контактов пражской и черняховской культур не наблюдается даже в зоне их пограничья (Гавритухин, 2000, с. 74—76). Определенную роль здесь, несомненно, играла разница традиционных экологических ниш. Наверное, взаимная культурная изоляция не обходилась и без военно-политического противостояния (ср. об отношениях носителей черняховской культуры и типа Ульяновки в Подесенье: Обломский, 2002, с. 64—69). Восточная граница основного ареала вельбарской культуры охватывает среднее течение Западного Буга и верхнее течение южных притоков Припяти к западу от Горыни (Вяргей, 1999а; Белявец, 2002; Козак, 1991). Ближе к Припяти вельбарские памятники единичны (Каспарова, 1989; Вяргей, 1999а, с. 316, мал. 95) и, судя по всему, оставлены небольшими

коллективами. Для того чтобы говорить о заметном влиянии вельбарской культуры на пражскую пока нет серьезных оснований. Судя по всему, носители вельбарских традиций задержались в Полесье недолго или же полностью были ассимилированы славянами.

Значительно менее понятно соотношение “протопражских” традиций с северными соседями зоны формирования пражской культуры. К началу римского времени северо-западную и центральную часть современной Беларуси занимала культура штрихованной керамики. На основании полученных к настоящему времени материалов А. А. Егорейченко пришел к выводу, что в верховьях Припяти эта культура распространяется в самом конце I тыс. до н. э. В начале I тыс. н. э. ее ареал сокращается и в позднеимперское время на территории Беларуси не выходит за пределы бассейна Вилии и прилегающего Понеманья (Егорейченко, 1996; Егарэйчанка, 1999). Опорным памятником для понимания культурных процессов на юге ареала культуры штрихованной керамики является городище Ивань, где прослежено ее взаимодействие с традициями зарубинецкого круга. При явном сходстве зарубинецкий компонент этого памятника имеет ряд отличий от “классической” зарубинецкой культуры Полесья (Егорейченко, 1996, с. 31—34). Причем все отмеченные особенности (снижение числа лощеной посуды, отсутствие орнаментации, уменьшение разнообразия форм) позволяют расценивать зарубинецкий компонент Ивань как типологически переходный от зарубинецкой “классики” Полесья к очерченному выше “протопражскому” керамическому набору. Интерпретация этого феномена не однозначна.

Во-первых, не ясно, можно ли говорить об особом зарубинецком горизонте на городище Ивань или зарубинецкий компонент является здесь частью местного набора культуры штрихованной керамики. Во-вторых, требуются дополнительные данные для датировки зарубинецкого компонента в Ивань. По выкладкам А. А. Егорейченко он синхронен зарубинецкой “классике”. Однако тогда его специфику следует объяснять наличием еще одного локального варианта “классической” зарубинецкой культуры. С типологической точки зрения более правдоподобно расценивать рассматриваемые особенности зарубинецкого компонента из Ивань как результат трансформации полесского варианта зарубинецкой культуры, аналогичной процессам, приведшим к формированию позднезарубинецких культурных групп на базе других вариантов зарубинецкой культуры (см. обзор: Обломский, 1993). Наконец, не ясны масштабы явления, зафиксированного зарубинецким компонентом на Ивань и его судьба в позднеимперское время. Тем не менее, судя по всему, северополесский “зарубинецкий компонент” в определенной мере фиксирует одну из сторон процесса, результатом которого стало формирование “протопражской” традиции. Во всяком случае, северополесские материалы позволяют говорить о возможности заполнить типологическую лауну между зарубинецкой и пражской культурой в Полесье, ставить вопрос о роли контактной зоны культуры штрихованной керамики и зару-

Sommer M., 1984. Die Gürtel und Gürtelbeschläge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich.

Igor Gavritukhin

CHRONOLOGY OF THE PRAGUE CULTURE OF BELARUSIAN PALESSIE

Summary

The first part of the article covers the history, main approaches and study results of the chronology of the Prague culture of Belarusian Palessie. The only drawback of the previous works is that the dating of Palesje materials was based on individual comparisons of pottery forms or their matching with the "model" complexes of other territories. The more reliable result is achieved when conducting synchronization of local chronological columns. The parts 2—4 of the article are devoted to the development of the chronological scale for the Prague culture. They embrace the study of the number of sources, work methods, the obtained scale of relative chronology and justification for absolute chronology. The study of pottery, conducted using mainly original samples, lays the basis for the scale suggested. The vessel rims were classified according to the scheme presented in Fig. 1. Their combination in complexes (Table 1) allows distinguishing several groups of an evident chronological character. Group 1b provides in fact the proper grounds for dating (Fig. 2, 4—6) and is synchronous to phase 0 of the Prague culture (here and further Gavritukhin, 1997). This determines the date of approximately mid 4th the beginning of 5th centuries. Group 2 is indicative of phase

I (mid 5—6 centuries), group 3a — phase II of the Prague culture (mid 6th and the first decades of the 7th century). This all does not contradict the Belarusian chronological references (Fig. 2: 2, 3). Groups 3b and 3v appear to be more archaic than reference complexes of phase III of the Prague culture, typical mostly to the south and east of the Carpathians. It looks as if we are dealing not with chronological, but local difference that pronounces with the development of the Prague culture in time and space. Part 5 is dedicated to several discussion issues of the early Slavic archaeology. A series of monuments inherent to phase 0 of the Prague culture on Palessie is responsible for including this area into the zone of forming the nucleus of the historic Slavs. Several forms representative of group 1a allow assuming that there is a number of open links in the typological continuity of "classical" Palessie Zarubintzy culture through post- and late Zarubintzy horizon to the Prague culture, as it is observed for other cultures of the early Slavic circle. The materials evidence that the thesis of late appearance of the settlements in the Prague culture is a historiographical myth. The accumulation of the cultural layer in the settlements of the Prupjats basin and the West Bug begins later than the 1st half of the 6th century and continues to the middle of the 7th. This area differs from the migration regions of the Slavs to the South Bug, territories adjacent to the middle of the Dnieper river (Srednee Podneprovje), the Carpathians (Prikarpatje), the Danube river (Podunavje), where the settlements of the Prague culture are not known. The least studied issues are the late phases of the Prague culture in Palessie and their correlation with the monuments of Luka Raikovezkaja culture (8—10 centuries).

Сергей Рассадин (Минск)

СЛАВЯНЕ И КОЧЕВНИКИ НА ДУНАЕ МЕЖДУ 469 И 568 ГГ.

В славянской истории особое место всегда отводилось территории Подунавья. На Дунае помещается летописцем сама прародина славянства. "По мнзехъ же времянех сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорська земля и Болгарська, — писал Нестор. — И от техъ словень разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седоша на котормъ месте" (Повесть временных лет, 1950, с. 11).

Но именно вдоль Дуная вклинивается в глубину Европы великая степь, форпост которой — венгерская пушта. Насколько для кочевников оказалось удобным Подунавье, можно судить, в частности, по следующему справедливому замечанию Г. В. Вернадского об аварях: "Будучи кочевниками авары нашли в бассейне нижнего Дуная земли, вполне удовлетворяющие их потребности. Им не нужно было менять своих привычек, они могли выращивать лошадей и скот на Паннонской равнине точно так же, как и до этого в причерноморских и закаспийских степях" (Вернадский, 1996). Этим степным коридором для продвижения далеко на Запад пользовались, сменяя друг друга, евразийские кочевники, от киммерийцев в IX—VIII вв. до н. э. до мадьяр в конце IX в. н. э.

Итак, Подунавье было не только важнейшей частью раннеславянского ареала. Оно являлось, вместе с тем, и зоной разнообразных славянско-кочевнических контактов. Их результаты, как известно, были весьма различны: от полной славянизации пришедшей кочевнической орды до, наоборот, ассимиляции ею славяно-дунайцев.

Интерес к славяно-кочевническим взаимосвязям начала средневековья выглядит, таким образом, вполне мотивированным. Тем более, что уже само первое появление славянства — как в Подунавье, так и, наверное, вообще на исторической сцене — произошло не без посредничества кочевников. Высказывалось даже такое сверхоригинальное мнение: само наименование 'Σκλαυροι, 'Σκλάβοι — это профессия тех, кто устраивал водные переправы, именно через Дунай, именно для кочевников (Иванов, 1991, с. 9.). Курьез курьезом, но вот первое достоверно славянское слово было записано, наверное, как раз в Подунавье, где Приск Понтийский и услышал это знаменитое 'μέδος. Мёд, вместо вина, предлагался в 448 г. персоналу византийского посольства ко двору Атиллы некими "варварами", которые обитали где-то в теперешней Воеводине и были подвластны гуннам (Prisc., fr. 8). Предполагается, что посольство Максимиана повстречалось с захваченной где-то в Северном Причерноморье и приведенной на Дунай какой-то группой славяноязычных земледельцев. Видимо, по аналогии с готами, которые, согласно При-

ску, изнывали от тяжести натурального оброка в пользу гуннов, и для этой славянской группы оседлого населения Подунавья в качестве главной повинности также предполагается снабжение кочевников продовольствием. Основу хозяйства открытых в районе сербско-венгерской границы раннеславянских поселений составляло земледелие. Из них Хоргош и Ганарош аналогичны по найденной на них керамике с поселениями Роище и Хитцы в левобережной Украине и датируются первой половиной V в. По мнению С. Трифуновича, эти самые ранние их поселения в юго-восточной Паннонии основаны славянами, побеждёнными, подчинёнными и приведенными сюда гуннами (Трифунович). Но само начало массивной славянской экспансии в бассейн Дуная связывается вовсе не с этими подданными Атиллы (Кланица, Тржестик, с. 8—9).

Как известно, вскоре после кончины *flagellum Dei*, ("бича Божьего"), господство гуннов в Подунавье пало в результате восстания подвластных им германских народов, устроивших своим бывшим господам полный разгром на р. Недао в 454 г. Окончательное поражение гунны потерпели от византийских войск в результате Дунайской войны 468—469 гг. Сын Атиллы хан Денгизик потерял не только власть, но даже и, — буквально, — голову, которая была отослана в Константинополь и выставлена там в цирке на всеобщее обозрение (Гумилёв, 1989). Подунавье таким образом было подготовлено для установления в нём новой — по мнению многих, славянской — гегемонии.

Действительно, на этот раз славяне выходят на берег Дуная уже в гораздо более почётной роли. Считалось, что произошло это в 518/519 гг., т. е. во время восшествия на византийский престол императора Юстина Первого. Ф. И. Успенский основывался на таком известии: "Когда Юстин, дядя Германа, получил царство, то анты, жившие очень близко к славянам, перешли реку Истр и большим войском вторглись в римскую землю" (Procop., De bello goth., VII: 40, 5) (Успенский, 1999, с. 239).

Этим их первым, согласно Ф. И. Успенскому, падением на Византию славяне открыли целую эпоху своих походов за Дунай. Большей частью они были успешными, что вызвало, на определённом этапе развития исторической науки, даже такое смелое сравнение: "Рим был завоёван германскими дружинами в V в., Византия была завоёвана славяно-антскими дружинами в VI в." (Рыбаков, 1939, с. 238—239.). Однако в любом случае самой первой военной акции славянства к югу от Дуная должно было предшествовать достаточно прочное закрепление на противоположном берегу этой великой европейской реки. Как предпола-